

Инна Домрачева

Домрачева Инна Борисовна родилась в 1977 г. Окончила Уральский государственный университет (2000). Работала журналистом. Печата-лась в журналах «Волга», «Урал», «День и ночь». Участница семинаров молодых литераторов в городе Липки в 2008 и 2009 гг. Резидент товарищества «Сибирский тракт». Участник АСУП-3. Воспитывает сына. Живёт и работает в Екатеринбу-рге.

Филологическая маркировка стихов И.Д.

Традиции, направления, течения: постакмеизм, наследование традициям условно называемой «женской» поэзии.

Основные имена влияния, переключки: А. Ахма-това, Л. Лосев, из современной «женской» поэзии вспоминаются В. Долина, А. Русс, В. Павлова, В. Полозкова.

Основные формальные приемы, используемые автором: стремление к твёрдости, лаконизму и классической завершенности, внезапность пря-мого, личного высказывания, самоирония, анти-теза, трансформация фразеологизма.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: поиск наглядной детали для спасения от окру-жающего хаоса, попытка его структурирования, метафора «обороны» и «спасения», дорога и воз-вращение, деперсонификация страха как способ его преодоления, кокетливая демонстрация лич-ной драмы как боли.

Творческая стратегия: построение новой игро-вой модификации современной гендерно ориен-тированной лирики, основанной на личностных противоречиях; вызов и эпатазирующее отрицание как способ замаскировать незащищённость – и неожиданная демонстрация этой незащищённо-сти как безотказно действующее средство. Види-мое сбрасывание с себя обязательств как акцен-тирование внутреннего долга.

Коэффициент присутствия: 0,46

АВТОБИОГРАФИЯ

Я принадлежу к поколению, жадному до печатно-го слова, к поколению, которое читало классиков уже потому, что библиотечную книгу все равно придется отдать после прочтения, а подписные издания дома есть всегда. Книга присваивала нас, а мы далеко не всегда могли присвоить книгу.

Когда появилась возможность читать произве-дения в электронном виде, я впиалась в нее, как банальная метафора в намозоленную память. По-тому что мне до сих пор хочется взять в ипотеку книжный магазин. Хотя бы небольшой, на три-четыре тысячи томов.

Однако читать с электронных устройств поэзию – это все-таки не то. Поэзия оставляет слишком много воздуха, который необходимо заполнить шуршанием страниц, запахом типографского клея, тихим скрипом распадающегося надвое книжного блока и дорогим, белым, но ни в коем случае не мелованным снегом полей.

Единственное, что может побороться с осязанием поэтической книги – это звук. Я с детства страстно хотела петь. Петь от восторга, петь в знак любви и приязни, петь, делаясь. Но не сложилось, болезнь развела слух и голос по разным углам. Правда, во сне я до сих пор иногда пою...

Вышло так, что меня воспитала библиотека. Мама была занята своей ответственной работой

И.Д., август 1978 г.

во «Внешторгиздате», а папа слишком уважал чужую внутреннюю территорию. Впрочем, я до сих пор люблю говорить на разные голоса и бешено радуюсь, когда мне удастся что-то из «мужской работы». А женскую – не люблю. Хотя умею.

И все-таки главным моим педагогом была библиотека. У нас дома не принято было говорить о пережитом и прочувствованном, а вне семьи не оказалось никого, кому бы я позволила слушать. В сущности, у меня не было выхода, кроме как начать писать. Но до этого оставалось еще несколько сотен книг.

Разумеется, первым учителем стал Владислав Петрович Крапивин. Учтя план по выпуску детской литературы, который именно на нем делало главное издательство Среднего Урала с гордой непечатной аббревиатурой, вариантов у меня не было. Из того, что попадало в библиотеки в достаточном количестве, он был едва ли не единственным читабельным автором.

Потом я научилась втираться в доверие к библиотекарям, а чуть позже книжный рынок России (уже) захлестнуло, и возможным стало добыть что угодно. Однако к этому времени я уже безнадежно верила в Человека.

Меня ледяными гвоздями продирает по спине от эпизода в «Бессильных мира сего» Бориса Натановича Стругацкого:

«– Он замечательно умеет ненавидеть.
– Значит, ваш сэнсей и ненависти учит тоже?
– Сэнсей никого и ничему не учит. Он только открывает ворота.

Отец, Борис Домрачев, во время срочной службы в СА

- Как-это-как-это?
- Человек смотрит и видит: перед ним забор. Или даже – стена. Каменная. А сэнсей говорит: вот дверь, отвори и проходи...
- Ну?
- И человек проходит.
- А как же ненависть?
- Он вошел не в ту дверь. Это была ошибка.
- Сэнсей ошибается?
- Да. И не так уж редко. Он дал Гришке «Американскую трагедию», а Гришка вместо этого прочел «Путешествие на край ночи».

И.Д. с мамой, Бертой Георгиевной, сентябрь 1980 г.

И.Д. , 2012 г. Екатеринбург

И.Д. с товариществом поэтов «Сибирский тракт»

Насколько точно и насколько страшно! Интересно, в какой степени эти строчки продиктованы виной и жалостью? Мы, его невольные воспитанники, шли к двери в лето и не запасли теплой одежды для сердца.

Поколение детей, выросших на книгах Крапивина и Стругацких, всю жизнь ищет идеальных себя и идеальное вокруг. И не находит. «Такими стали твои мальчики, Владислав», – упрекает любимого писателя поэт Алексей Сальников, живописуя омерзительно пьяных, матерящихся слесарей. Под изящным выстебыванием, таким естественным для Сальникова, отчетливо слышен голос ребенка, оскорбленного несопадением жизни с книгой.

И я тоже ищу. И я – жалуясь. И я болею тем, что не могу противостоять всеобщему скотству и скотую вместе со всеми.

А про личное я не буду, ладно? Читайте тексты, там все есть. Если масштаб меня изменится, и ста-

нет важным цвет эмалированного ведра, в которое соберут ошметки (впрочем, мое ведро будет, увы, максимум пластмассовым), об этом найдется кому рассказать.

P.S. Как автор, пишущий поэтические тексты, я, очевидно, должна назвать и учителей из числа поэтов. Однако мне кажется, что поэтика всегда пьет из множества источников, главное – что от учителя воспринял сам человек, его сущностное, нравственное, если угодно.

На поэтическом семинаре фонда СЭИП в пансионате «Липки», куда я, приехав впервые, привезла самые в своем тогдашнем понимании яркие, самые речевистые, самые слэмовые, по сути, тексты, редактор журнала «Арион» Алексей Давидович Алехин сказал:

– Да, с этим Вы вполне можете снискать популярность у определенной части публики... – шевельнул плечом, пронзительно глянул из-под очков: – Но Вам-то нужно другое.